пар.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТА.

ГБІОІ
Л 911

В. Львовъ Рогачевскій.

РЮРИКОВИЧИ, ЗАХАРЬИНЫ-РОМАНОВЫ, ГОЛЬШТИНСКІЕ.

Цѣна 25 коп.

МОСКВА.
Соціалъ-демократическое издательство „ДѢЛО"
1917 г.

П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
К.
1984
ГБ101 Р
Л 911
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
301
274448
У

...„Вдругъ гремятъ тулумбасы, идетъ караулъ.
Гонятъ палками встрѣчныхъ съ дороги...
Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи,
Его милость сбираются тѣшить—
Тамъ кого-то рубить или вѣшать.
И во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:
„Что за ханъ на Руси своеволитъ?!"
Но вдругъ слышитъ слова: „то земной ѣдетъ богъ,
То отецъ нашъ казнить насъ изволитъ!"
И на улицѣ, сколько тамъ было толпы —
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи—
Всѣ предъ нимъ повалились на брюхи".

Это былъ только сонъ Потока-богатыря въ поэмѣ Алексѣя Толстого. Но этотъ сонъ, оскорбительный для русскаго народа, кровавый, отвратительный, видѣла Россія на-яву втеченіе многихъ лѣтъ.

Вѣка проходили, а цари-самодержцы неограниченно распоряжались судьбами страны, имуществомъ, свободой и жизнью милліоновъ. По выраженію Іоанна Грознаго, царй-намѣстники Бога на землѣ, «повольны были подвластныхъ своихъ жаловать и казнить, а не судиться съ ними ни передъ кѣмъ».

Этотъ помазанникъ, убившій собственнаго сына, какъ татарскій ханъ предавалъ огню и мечу города, истреблялъ втеченіе полутора мѣсяца новогородцевъ, умиравшихъ «подъ пыткою, подъ топоромъ, въ Волховѣ, въ огнѣ». Тысячи именъ занесены въ его кровавый синодикъ, а о многихъ тысячахъ замученныхъ и невинно убіенныхъ сказано: «имена-же ихъ ты, Господи, вѣси». Въ числѣ замученныхъ былъ митрополитъ Филиппъ, обличавшій царя-изверга предъ алтаремъ.

Романовы-Захарьины были не лучше Рюриковичей, Го-

торнъ-Гольштинскіе не лучше Захарьиныхъ; всѣ они однимъ міромъ мазаны! Всѣ они вкусили тѣла и крови страстотерпца народа.

Земной богъ «своеволилъ», «пустошилъ землю», обращалъ цѣлыя области «изъ жива въ пусто», отдавалъ ее своимъ вѣрнымъ слугамъ «на кормленіе», отдавалъ опричникамъ цѣлыя области «на потокъ и разграбленіе», развращалъ населеніе, строилъ «царевъ кабакъ», и заставлялъ привлекать «питущихъ людей», освящалъ своею властью, данною «отъ Бога», всякое палачество, всякое надругательство надъ человѣкомъ. Одного смѣнялъ другой, и если одинъ наказывалъ подвластныхъ бичами, то другой—батогами, а третій—скорпіонами; ибо палки, шпицрутены, розги, «кошки» ничѣмъ не хуже библейскихъ «скорпіоновъ».

Правежъ, выколачиваніе податей, приказы «прогнать сквозь строй», дать 200—300 палокъ, бичи, темницы, топоры, вотъ тѣ царскія милости, которыя выпадали на долю простого народа со стороны царей, привыкшихъ для народа «патроновъ не жалѣть».

А народъ молчальникъ, обливаясь кровью, несъ на голгофу свой тяжкій крестъ и, казалось, самодержавцамъ удалось превратить живую страну въ живой трупъ и, казалось, царствію этихъ исконныхъ враговъ народа не будетъ конца.

Но такъ казалось!

Въ февральскіе дни 1917 года заживо погребенная страна воскресла изъ мертвыхъ, народъ молчальникъ заговорилъ и для царя-самодержца пришелъ день гнѣва, день страшнаго суда.

2-го марта земной богъ вынужденъ былъ отречься отъ престола, давно оскверненнаго, опозореннаго распутствомъ, предательствомъ, кровавой расправой. Самодержавіе приказало долго жить народу!

Мы знаемъ, не мало и нынѣ на Руси темныхъ, старозавѣтныхъ людей, которые оплакиваютъ горькими слезами царя-батюшку, причитаютъ на разные лады богомолки-бабы умныя: «не стало, матушка, не стало!...».

И теперь встрѣтите обывателей, которые говорятъ, что царь отъ Бога, что безъ царей Россія существовать не

сможетъ. Этимъ людямъ надо разъяснить, что цари на Руси были величайшими врагами народа—крестьянъ, рабочихъ, мѣщанъ: задерживали всякое движеніе впередъ, сѣяли злобу, тьму и человѣконенавистничество, правили въ интересахъ крѣпостниковъ. Вся многовѣковая исторія народа свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Иго самовластья.

Когда цари говорили о самодержавіи, они всегда ссылались на *«незыблемыя основы»*, на *«исконныя начала»*, на власть дарованную имъ «милостью Божіей».

Всякое желаніе ограничить произволъ самодержавія цари считали «безсмысленными мечтаніями» и карали какъ величайшее преступленье. А между тѣмъ *исконнымъ* началомъ было самодержавіе *народа, земли* принадлежала вся полнота власти, и цари, захвативъ эту власть, обратили ее противъ закабаленнаго ими народа.

По милости царей народъ-властелинъ сталъ народомъ-рабомъ.

Въ Суздальской Лѣтописи 1176 г. разсказывается: «Новгородцы бо изначалы и смоляне и кыяне и полочане и вся власть яко же на думу на вѣче сходятся, на что-же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ».

Этотъ вѣчевой порядокъ не представлялся особенностью Новгорода, Смоленска, Кіева, Полоцка, а являлся общимъ учрежденіемъ всѣхъ волостей. «Отъ 12-го вѣка и ближайшихъ къ нему годовъ—говоритъ пр. Сергѣевичъ—мы имѣемъ болѣе 50 частныхъ свидѣтельствъ о вѣчевой жизни древнихъ городовъ изъ всѣхъ концовъ тогдашней Россіи» *).

Въ это время основнымъ учрежденіемъ являлись община или *міръ*, мірское самоуправленіе начиная съ низшихъ самоуправляющихся до высшаго самоуправляющагося союза: Земли, племени, съ полновластнымъ народнымъ собраніемъ—вѣчемъ.

Этотъ мірской строй былъ связанъ съ древнѣйшими родовыми союзами, онъ сохранился въ Кіевской Руси, когда прин-

*) Древности Русскаго права т. II, стр. 2.

лые князья со своими дружинами приходили княжить и володѣть. И тогда вѣче сохраняло всю полноту власти, призывало князей, заключало съ ними «рядъ» и при нарушеніи «ряда» изгоняло ихъ, указывая имъ «путь чистъ». Тогда властвовала земля, «Государь Великій Новгородъ», а князь являлся лишь исполнителемъ воли земли.

Гдѣ земля—тамъ и Вѣче, гдѣ Вѣче—тамъ и князь, *избранный* Вѣчемъ.

Князь володѣетъ, держитъ власть, защищаетъ землю, но онъ не является собственникомъ, хозяиномъ, вотчинникомъ земли.

Съ татарскимъ нашествіемъ на Руси происходитъ крутая перемѣна. Исключая Новгорода, Смоленска и бѣлорусскихъ княженій въ остальной Руси, разграбленной и сожженной татарскими полчищами, осталась одна десятая прежняго населенія. Остались робкіе, способные приладиться къ новымъ временамъ. Вѣче умолкло. Только въ Новгородѣ и Псковѣ еще звучалъ вѣчевой колоколъ.

Прежде надъ Русью не было единаго господина, теперь явился этотъ царь-государь въ образѣ завоевателя татарскаго хана. Русь стала его военною добычей, собственностью, а всѣ русскіе князья и холопы—его рабами. Если князья раньше получали княженіе съ согласья *Земли*, то теперь вымаливали его, валяясь въ ногахъ у побѣдителя *хана*. Они ѣздили въ Орду, пресмыкались, доносили другъ на друга, ходили къ всевластному хану «про свою вотчину». Источникомъ ихъ княжеской власти являлся ханъ. И если прежде князь правилъ землей въ *силу договора*—«ряда», заключеннаго съ народомъ, свободнымъ и властнымъ, то теперь онъ садился на столъ, «престолъ» *въ силу ханскаго ярлыка*. У хана князь покупалъ землю, которая раньше была сама себѣ государемъ, а теперь утратила свою верховную волю. Князь опирался на хана, бояре на князя.

Вѣче перестало быть собраніемъ свободной земли—«вѣче онѣмѣло», «вѣчникъ» сталъ въ глазахъ князя бунтовщикомъ.

Съ 13-го по 16 вѣкъ устанавливается удѣльный порядокъ.

Если въ древней Кіевской Руси, въ героическій «богатырскій періодъ», князь и дружина бродятъ по землѣ и ищутъ себѣ столовъ, какъ добычи, то съ 13 вѣка въ сѣверо-восточной Руси

дружина становится осѣдлой, а въ связи съ этой осѣдлостью дружины, съ ростомъ боярскаго крупнаго землевладѣнія во главѣ области — «удѣла» стоитъ князь—вотчинникъ съ правомъ государя и государь съ привычками вотчинника, который смотритъ на свой удѣлъ какъ на частную земельную собственность—вотчину.

«Вся русская земля изъ старины отъ нашихъ родителей наша *отчина*»,—говоритъ Іоаннъ III.

Основное значеніе въ то время получаетъ крупное землевладѣніе, княжеская и боярская вотчина и сила переходитъ *отъ міра къ боярщинѣ*. Великій князь правитъ, совѣщаясь съ боярской думой.

Съ половины 14 вѣка Москвѣ пришлось вести усиленную борьбу противъ наслѣдниковъ разлогавшейся Золотой Орды, противъ Крымскаго, Ногайскаго, Казанскаго хановъ. Въ то же время усиленная борьба за власть между удѣльными князьями привела побѣдителя Московскаго князя къ задачѣ объединенія всей Руси.

Къ 15 вѣку Московская земля сосредоточилась въ рукахъ Іоанна III, который принялъ на себя историческое призваніе—введеніе царской власти на Руси. Онъ порвалъ съ Ордой, уничтожилъ удѣльный порядокъ и сталъ полнымъ государемъ — вотчинникомъ, замѣнивъ татарскаго хана. Князь сталъ называться царемъ, а служилые люди—холопами. На смѣну татарскаго ига пришло иго самовластья.

Но родовитые бояре-князья, Рюриковичи, государи-вотчинники, считавшіе себя братьями великихъ князей и неограниченными правителями у себя въ наслѣдственной вотчинѣ, не сразу становились слугами царей. Начинается борьба между царями и князьями; въ этой борьбѣ цари пытались опереться на мелкое дворянство, на худородныхъ противъ родовитыхъ, на мелкопомѣстныхъ противъ крупныхъ землевладѣльцевъ-вотчинниковъ.

Эта борьба при Іоаннѣ Грозномъ, испугавшемся съ дѣтства произвола «разнобоярщины», принимаетъ страшный — кровавый характеръ.

Царизмъ возсталъ противъ боярщины, противъ своего царскаго синклита, противъ опеки боярской думы. Іоаннъ IV со-

здалъ свою опричнину. Онъ не только казнилъ родовитыхъ и возвышалъ худородныхъ дворянъ, онъ отбиралъ у крупныхъ землевладѣльцевъ вотчины и раздавалъ своимъ вѣрнымъ псамъ—охранителямъ, которыхъ пожаловалъ почетнымъ отличіемъ—песьей головой и метлой. Они вынюхивали и выметали измѣну, они вымели сотни древнѣйшихъ родовъ, а такіе рюриковичи, какъ лукавые царедворцы Шуйскіе, сами стали опричниками... Только бы уйти отъ казни.

Въ письмѣ къ опальному воеводѣ Курбскому, бѣжавшему изъ Россіи отъ казни, Іоаннъ Грозный пишетъ: «А Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ, а не бояре и не вельможи».

Опираясь на мелкое дворянство, Іоаннъ Грозный укрѣплялъ самодержавство и навязывалъ странѣ неограниченную деспотическую власть.

Но деспотъ, убившій собственнаго сына, обезличившій, запугавшій другого сына Ѳедора, который, какъ извѣстно, былъ «скорбенъ главою» и былъ не дѣеспособенъ, самъ же подточилъ корни своей династіи. Въ 1598 г. умираетъ царь Ѳедоръ Іоанновичъ, за котораго правилъ сперва Захарьинъ-Романовъ, а потомъ Борисъ Годуновъ, изъ татарскаго рода Мурза-Четъ.

Безвольный сынъ кроваваго тирана — самодержца часто спрашиваетъ себя въ драмѣ Алексѣя Толстого «Ѳедоръ Іоанновичъ»: «царь или не царь?».

Въ 1598 г. онъ умираетъ, а еще раньше, въ 1591 г. 15 мая въ Угличѣ, на дворѣ былъ найденъ съ перерѣзаннымъ горломъ царевичъ Дмитрій, сынъ седьмой жены Іоанна Грознаго, — *династія рюриковичей прекращается* и наступаетъ въ разоренной боярами, царями, опричиной странѣ тяжкое время смуты, выступаютъ претенденты на престолъ—Годуновы, Романовы, Шуйскіе, Гришка Отрепьевъ, польскій королевичъ Владиславъ, Тушинскій воръ...

Исконныя начала ханскаго самодержавія заколебались... Годуновы, Шуйскіе, Захарьины-Романовы ищутъ опоры въ *соборномъ* признаніи.

Верховная власть становится *избирательной*, царь заключаетъ *договоръ* съ подданными, ограничивающій его власть;

царь правитъ, созывая совѣты—«*Земскіе соборы*», совѣщается съ боярами.

Въ 1613 г. избирается на царство Земскимъ соборомъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, сынъ Ѳеодора Никитича, который былъ постриженъ въ монахи Борисомъ Годуновымъ, сталъ Митрополитомъ Филаретомъ, находился въ станѣ Тушинскаго вора, разсылалъ изъ этого стана грамоты за своею подписью по приказу Тушинскаго вора и одно время желалъ на русскій престолъ—польскаго королевича Владислава.

Предокъ *) Романовыхъ, по преданію, выѣхалъ въ XIV вѣкѣ изъ «Пруссъ», какъ выражается древняя родословная. Его потомки были впослѣдствіи извѣстны подъ именемъ Кошкиныхъ, Захарьиныхъ, съ половины XVI в. Романовыхъ, отъ имени Романа Юрьевича Захарьина; дочь его въ 1547 г. вышла замужъ за Іоанна IV и родила ему Ѳедора Іоанновича. Потомокъ Кошкиныхъ-Захарьиныхъ-Романовыхъ избранъ былъ на царство и, по свидѣтельству Котошихина, обязывался въ записи «безъ суда и безъ вины никого не казнить не за что», и обѣщался безъ боярской думы «тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать».

При Михаилѣ созывался Земскій Соборъ десять разъ; царь ничего не предпринималъ безъ боярскаго совѣту. Но уже при сынѣ Михаила «тишайшемъ» Алексѣѣ, а позднѣе при внукѣ—Петрѣ I самодержавство вновь поднимаетъ голову, укрѣпляется въ періодъ войнъ съ Польшей, Швеціей, Крымомъ, когда Государство оказывается на военномъ положеніи и когда царь опирается на своихъ воеводъ и на постоянное войско.

Еще при Рюриковичахъ великое княжество Московское превратилось въ военное государство, уже при Іоаннѣ Грозномъ численность войска доходила до 35000 человѣкъ; при Петрѣ же образовано регулярное войско (200000). Опираясь на войско и на многочисленный штатъ чиновниковъ, Петръ Великій, собственноручно рубившій головы непокорнымъ стрѣльцамъ, укрѣпляетъ государственную власть.

Патріархальнаго Московскаго царя-самодержца, правившаго «по старинѣ», смѣняетъ самовластный петербургскій

*) См. Лекціи по русской ист. пр. С. Ѳ. Платонова стр. 218.

императоръ, который въ своемъ Военномъ Артикулѣ 1716 г. провозгласилъ: «Его величество есть самовластный государь, который никому на свѣтѣ отвѣта давать не долженъ».

Такимъ образомъ, если на смѣну міру съ его вѣчемъ пришла боярщина съ княземъ вотчинникомъ, то на смѣну боярщинѣ пришло сословное государство съ сословнымъ царемъ во главѣ.

Сословный царь.

Петроградское самовластье покоилось на основѣ *сословнаго* государства и въ этомъ сословномъ государствѣ «первенствующимъ» сословіемъ—командующимъ является помѣстное служилое дворянство; сословный царь является первымъ дворяниномъ и правитъ въ интересахъ доблестнаго сословія дворянъ—дворянъ чиновниковъ, дворянъ военныхъ.

Служилое помѣстное дворянство смѣнило родовитыхъ вотчинниковъ и за льготы, подачки, пожалованія стало опорою трона.

Вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ помѣстнаго служилаго дворянства укрѣпляется самовластье, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ дворянскаго самовластья растетъ гнетъ рабочихъ массъ и растетъ разстройство и обнищаніе государства, нужды котораго *росли* непомѣрно вмѣстѣ съ увеличеніемъ войска.

Возвышеніе служилаго сословія происходитъ постепенно еще при Рюриковичахъ.

Такъ какъ правительство не имѣло средствъ содержать постоянное войско на денежное жалованіе, то вмѣсто жалованья стало раздавать служилымъ людямъ помѣстья *подъ непремѣннымъ условіемъ ратной службы*.

Дворяне и дѣти боярскіе «помѣщики» обязывались являться въ изъ «конны, людны и оружны». Это была тоже служба въ землѣ какъ и встарь, но это была «уложенная» служба, припритомъ со всѣхъ земель, какъ съ помѣстій, такъ и съ вотчинъ.

Земля безъ рабочей силы ничего не стоила.

Правительство платило служилымъ людямъ, которые изъ вольныхъ слугъ стали невольными, землей, *населенной* крестъ-

ями, причемъ государственная власть не задавалась вопросомъ, кому принадлежали эти земли раньше, почему эти старожилы должны были повиноваться новымъ хозяевамъ и работать на нихъ.

Прежнихъ вольныхъ людей всячески стремились *укрѣпить* за владѣльцами. Устанавливаются высокія пошлины съ крестьянъ, уходящихъ отъ владѣльцевъ за пользованіе избой, особый опредѣленный срокъ расчета (Юрьевъ день); крестьянина ушедшаго не въ срокъ и безъ правильнаго «отказа» объявляли бѣглымъ. Самъ помѣщикъ помогаетъ этому закрѣпленію, закабаляя крестьянъ посредствомъ ссуды на первоначальное обзаведеніе, которыя доходили до 50—125 руб.

«Охудѣлая и задолженная крестьянская масса, пишетъ Платоновъ—неизбѣжно должна была отказаться отъ самостоятельнаго передвиженія; для выхода у нея не было средства» (133).

Оставалась надежда на вывозъ. Но и отъ этой надежды на вывозъ со стороны крупнаго землевладѣльца приходилось отказаться: желая заручиться расположеніемъ мелкихъ служилыхъ людей, «рабо-царь» Борисъ Годуновъ въ 1601 и 1602 г.г. запретилъ крестьянамъ уходить на окраины, для заселенія степи; свобода «вывоза» крестьянъ оставлена только мелкимъ людямъ. Крупнымъ землевладѣльцамъ было запрещено возить крестьянъ и «промежъ себя и у сторонихъ людей».

Наряду съ развитіемъ служилаго сословія шля закрѣпощенія крестьянской массы тяглыхъ людей. Ихъ дѣлали сперва крѣпкими землѣ, а потомъ лицу, они становились рабами, которые работали и на помѣщика и на государство. Они то и выносили на своихъ плечахъ всю тяжесть созданія единаго государства, на закабаленныхъ тяглыхъ массахъ лежало все бремя государственнаго тягла. Тяглые содержали служилыхъ.

Они выплачивали всякія подати, къ нимъ посылали на «кормленіе» боярскихъ дѣтей. Можно сказать, каждая пядь единаго государства поливалась *ихъ* кровью; на *ихъ* каторжномъ трудѣ. въ 16—18 в.в. развилось и окрѣпло *сословное государство*, въ которомъ первое мѣсто принадлежитъ *не тяглымъ людямъ*, а *служилому сословію*.

По словамъ проф. Платонова *), подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства съ цѣлью лучшаго устройства государственной обороны интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса, трудъ котораго служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, систематически *приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ въ производительной дѣятельности страны*».

Москва становится настоящимъ военнымъ станомъ. Войско въ видѣ зависимаго отъ правительства служилаго класса привлекаетъ вниманіе правительства. Военные расходы увеличиваютъ нужду въ средствахъ. Въ трудную минуту еще неокрѣпшая государственная власть ищетъ поддержки у земскихъ соборовъ, которые созываются царемъ по мѣрѣ надобности. Хотя заявленія этихъ соборовъ принимались за голосъ *всей* земли, но на нихъ лишена была представительства и права голоса закрѣпощенная крестьянская масса.

Въ 17 вѣкѣ Петръ I уничтожаетъ дворянское конное ополченіе. Дворяне-помѣщики освобождаются отъ старинной своей обязанности нести ту ратную службу, *подъ условіемъ* которой и на время которой они получали помѣстье. Они освобождаются отъ обязанности являться въ полкъ, но помѣстье у нихъ не отбирается, а навсегда остается за ними, какъ собственность ихъ, вмѣстѣ съ крестьянами, обязанными содержать господъ даровымъ трудомъ.

Правда, Петръ I обязалъ дворянскихъ дѣтей—недорослей учиться и служить въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, но владѣніе помѣстьемъ уже не играло роли при этомъ.

Дворянство стало тѣстомъ, изъ котораго правительство пекло себѣ чиновниковъ.

По смерти Петра I, не оставившаго послѣ себя наслѣдника, царствуетъ иностранка и не родовитая женщина, его жена Екатерина I, а затѣмъ совершается рядъ дворцовыхъ переворотовъ. За первые 16—17 лѣтъ, прошедшихъ послѣ смерти Петра I, смѣняется пять монарховъ. По словамъ историка Платонова «у власти стояли иногда люди чуждые странѣ, не достойные власти». Екатерину I посадили гвардейскіе полки, со-

*) Очерки по исторіи смуты.

стоявшіе изъ дворянъ и правила собственно не она, а Меньшиковъ. Послѣ ея смерти (6 мая 1727 г.) на престолъ посадили внука Петра I—Петра II (сына царевича Алексѣя) одиннадцатилѣтняго мальчика, до совершеннолѣтія котораго долженъ былъ править Верховный Тайный Совѣтъ со включеніемъ въ него Анны и Елизаветы (дочерей Петра I).

Именемъ Петра II-го правили Долгорукіе, обручившіе ребенка—царя съ Екатериной Алексѣевной Долгорукой.

Въ 1730 г. юный царь, игрушка въ рукахъ царедворцевъ, умеръ отъ оспы.

По смерти его ночью собрались высшіе чины въ Петровскомъ дворцѣ, и тамъ Димитрій Голицынъ высказалъ мысль, что «надо бы себѣ полегчить—такъ полегчить, чтобъ воли прибавить». Были выработаны «пункты», ограничивающіе самодержавную власть, и они были предложены при переговорахъ дочери покойнаго Іоанна Алексѣевича — брата Петра Великаго—Аннѣ Іоанновнѣ Курляндской. Анна приняла «пункты», на основаніи которыхъ Верховный Тайный Совѣтъ пытался прибрать власть въ руки «верховниковъ», въ руки 8 самодержцевъ, въ руки знати. Императрица обѣщалась не выходить замужъ и не назначать наслѣдника, содержать Верховный Тайный Совѣтъ всегда въ восемъ персонъ, безъ его согласія не объявлять войны и не заключать мира, не налагать податей и не расходовать государственныхъ доходовъ, *не жаловать вотчинъ и не отнимать имѣнія и чести у шляхетства, не жаловать въ придворные и генеральскіе чины*, гвардію и прочіе войска передать въ вѣдѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Противъ верховниковъ возстало среднее служилое дворянство вмѣстѣ съ гвардейскимъ офицерствомъ и просило Анну Іоанновну возстановить самодержавіе и уничтожить Верховный Тайный Совѣтъ. Анна Іоанновна порвала «пункты», провозгласила самодержавіе, подвергла опалѣ знать, стала ласкать гвардію, сдѣлала нѣкоторыя уступки среднему дворянству, но приблизила къ трону иностранцевъ.

Русскую знать замѣняютъ нѣмецкіе временщики. Страной правитъ любовникъ Анны Биронъ, бывшій конюхъ. Наступаетъ мрачное, позорное время бироновщины, когда наглой и развратной шайкой пропивается народное достояніе, когда

Бирономъ, презиравшій и ненавидѣвшій русскихъ, проливалъ ихъ кровь «текучими ручьями». Бироны, Остерманы, Левенвольды, Минихи, Ласси, вся эта компанія иностранцевъ ввела систему доносовъ, знаменитое «слово и дѣло», разоряли страну податями и господствовали надъ несчастной Россіей десять лѣтъ. Передъ смертью (въ 1740 г.) Анна назначаетъ преемникомъ себѣ только что родившагося правнука Іоанна Алексѣевича, принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго Іоанна Антоновича, а регентомъ, уже наканунѣ своей смерти, Бирона, хотя у Іоанна Антоновича была мать Анна Леопольдовна.

Придворная знать выдала желаніе грубой, чувственной деспотки за желаніе всего народа и отдала страну въ руки Бирона до совершеннолѣтія младенца царя.

Черезъ мѣсяцъ послѣ назначенія регентства гвардія по призыву Анны Леопольдовны возстала противъ Бирона, онъ былъ арестованъ Минихомъ, и въ ночь съ 8 на 9 ноября Анна Леопольдовна стала правительницей Россіи и приняла титулъ великой княгини, но вмѣсто нея стали править тѣ же Минихъ, Остерманъ, Левенвольдъ и другіе. Это продолжалось недолго. Въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г. дочь Петра I красавица Елизавета съ помощью Преображенскихъ полковъ овладѣваетъ престоломъ. Остерманъ, Минихъ, Левенвольдъ арестованы и заключены въ тюрьму. Веселая, чисто русская царица, которая мечтала о монастырѣ и имѣла въ гардеробѣ 20.000 платьевъ, править страной двадцать лѣтъ. И при ней большую силу имѣли временщики-фаворіты, такъ называемые «припадочные люди» (умѣвшіе «припасть къ стопамъ»); видное мѣсто занималъ бывшій придворный пѣвчій, потомъ графъ, Разумовскій, съ которымъ, по преданью, была негласно обвѣнчана императрица.

Въ 1746 г. послѣдовалъ указъ Елизаветы въ пользу дворянства, по которому запрещалось кому бы то ни было, кромѣ дворянъ, покупать «людей и крестьянъ безъ земель и съ землею».

Одно дворянство могло имѣть крестьянъ и недвижимую собственность.

Если прежде отличіемъ служилаго сословія помѣщиковъ было то, что они несли военную повинность, то теперь отличі-

емъ дворянства является ихъ преимущественное право передъ другими, владѣніе землей и людьми. При Елизаветѣ создаются *дворянскія* учебныя заведенія, *дворянскій* банкъ.

Въ 1760 году помѣщику дается право ссылать въ Сибирь крестьянъ, а крестьяне лишаются права заключать обязательства безъ воли своего господина.

Елизавета продолжала дѣла Анны,—правила противъ народа.

Дворяне получали все больше правъ, крестьяне все больше порабощались. Однимъ—права безъ обязанностей, другимъ—обязанности безъ правъ.

Со смертью Елизаветы въ 1761 г. родъ Кошкиныхъ-Захарьиныхъ-Романовыхъ прекращается. На престолъ вступаетъ внукъ Петра Великаго, сынъ Анны Петровны Гольштинской, герцогъ Шлезвигъ-Гольштинскій Карлъ-Петръ-Ульрихъ, нѣмецкій принцъ, презиравшій Россію, «Гольштинскій чертушко», котораго историкъ Ключевскій называетъ «скоморохомъ».

Этотъ «скоморохъ», влюбленный въ парады и прусскую муштру, игравшій въ солдатики, женился, по рекомендаціи Фридриха Прусскаго, на принцессѣ Ангальтъ-Цербтской Софіи-Августѣ-Фредерикѣ, которая, по выраженію историка Ключевскаго, была «таковская».

Страной правятъ сперва скоморохъ, а потомъ, послѣ дворцоваго переворота, его супруга.

Ея любовникъ Орловъ придушилъ низвергнутаго Петра III, Іоаннъ Антоновичъ пребывалъ въ Шлиссельбургѣ, а на престолъ возсѣла Софья-Августа—мужеубійца, она же Екатерина Великая. Отъ Карла-Ульриха (онъ же Петръ III) неспособнаго къ дѣторожденію и Софьи-Августы родился полоумный Павелъ I, родился, какъ говорятъ, при помощи Салтыкова, и сталъ править послѣ Екатерины II. А Павелъ черезъ 4 года былъ задушенъ съ вѣдома своего сына Александра Благословеннаго.

Всѣ эти помазанницы и помазанники Божьи, вступившіе на престолъ милостью гвардейскаго офицерства, отличались разными склонностями: Петръ III игралъ въ солдатики, Екатерина много любила видныхъ и рослыхъ людей, Павелъ увлекался

нарадами и расправами, но у всѣхъ была одна черта—*всѣ они правили въ интересахъ помѣщиковъ, всѣ они были сословные цари, цари-помѣщики, закрѣпощавшіе все больше и больше рабочій людъ.*

Дворянство совершенно освобождаютъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ государству, но не освобождаютъ крестьянъ отъ обязанностей по отношенію къ паразитствующему сословію.

Это сословіе живетъ на хлѣбахъ у народа и покупаетъ себѣ милости, припадая къ царскимъ стопамъ. Паразитствующее сословіе стало распоряжаться рабочимъ человѣкомъ какъ мертвою сещью, которую можно заложить, продать, изломать и уничтожить.

Крѣпостныхъ лишаютъ права уходить на промыслы, брать откупа и подряды, ихъ могутъ продать семьей и порознь, могутъ сослать въ Сибирь, а они лишены даже права жалобы. Въ помѣщичьихъ усадьбахъ дерутъ крѣпостныхъ на конюшняхъ, насилуютъ дѣвушекъ, матерей заставляютъ выкармливать грудью породистыхъ щенятъ, а они—эти мертвыя вещи должны молчать, вѣдь за жалобы ихъ нещадно карають.

Двадцать разъ назначалось слушаньемъ дѣло знаменитой истязательницы крѣпостныхъ Салтычихи и все откладывалось. Праведный гнѣвъ народа начиналъ загораться... вещи становились протестующими людьми...

«Если не согласиться на уменьшеніе жестокости и умѣреніе роду человѣческому нестерпимаго покоренія, то и противъ воли сами оную возьмутъ рано или поздно», говорила Екатерина II.

Но когда при этой свободолюбивой императрицѣ вышла въ Петербургѣ книга Радищева «Путешествіе изъ Москвы въ Петербургъ», въ которой этотъ писатель-гражданинъ съ негодованіемъ возсталъ противъ жестокости крѣпостниковъ, противъ безправія порабощеннаго народа, книгу Радищева сожгли, а самъ писатель былъ приговоренъ къ смертной казнѣ, которую замѣнили тюрьмой и ссылкой въ Ильинскій Острогъ.

Свободолюбивая императрица много прекрасныхъ словъ наговорила въ своихъ письмахъ къ Вольтеру, но когда разразилась, какъ гроза, Пугачевщина; она благословляла звѣрства

Панина, вѣшавшаго, четвертовавшаго, колесовавшаго возставшихъ крѣпостныхъ.

Въ письмѣ къ Казанскимъ дворянамъ, она, имѣя въ Казанской губерніи дворцовыхъ крестьянъ, называла себя «казанской помѣщицей», чѣмъ вызвала безумный, неистовый восторгъ перепуганныхъ бунтомъ дворянъ.

Эта казанская помѣщица за свое царствованіе своимъ любовникамъ за особые заслуги роздала 800.000 душъ обоего пола, а ея сынъ Павелъ за 4 года роздалъ помѣщикамъ 530.000 душъ.

Матушка раздавала ежегодно по 23.400 ч., а сынокъ, ненавидѣвшій мать, по 120.000 ч.

Онъ все, что дѣлала мать, передѣлывалъ по своему, но и онъ оставался дворяниномъ крѣпостникомъ и его самовластье было помѣщичьимъ самовластьемъ. Когда началась отечественная война и народъ долженъ былъ спасать помѣщичью Россію, Александръ I много наговорилъ хорошихъ словъ, приблизилъ къ себѣ свободолюбивыхъ людей, сталъ обѣщать всякія свободы...

Но прошла гроза... Свободолюбивый Сперанскій былъ сосланъ въ Сибирь, а первымъ человѣкомъ сталъ крѣпостникъ и звѣрь «Аракчеевъ—генералъ».

Отвратительна была Бироновщина при тупой и развратной Аннѣ Іоанновнѣ, но еще отвратительнѣй была Аркачеевщина.

Безъ лести преданный холопъ хотѣлъ превратить всю страну въ военное поселеніе, затянуть въ мундиръ, а при малѣйшемъ ослушаніи—запороть... При немъ барабанная дробь заглушала трепетъ измученнаго человѣческаго сердца. Истязали народъ, который только что спасъ страну.

Въ наброскахъ драмы «1812 годъ» А. С. Грибоѣдовъ разсказывалъ исторію крѣпостного, который на поляхъ сраженій былъ героемъ, а послѣ побѣды вернулся рабомъ, попалъ подъ палку своего господина, онъ увидѣлъ «снова прежнія мерзости», не выдержалъ и убилъ себя...

Александръ Благословенный оказался такимъ же дворяниномъ, какъ и его великая бабушка.—Не даромъ же А. С. Пушкинъ съ презрѣніемъ говорилъ о немъ:

Библиотека Ленина

«Въ Россіи царствовалъ тогда
Властитель слабый и лукавый,
Плѣшивый щеголь, врагъ труда,
Нечаянно пригрѣтый славой».

При этомъ слабомъ и лукавомъ властелинѣ страна была въ рукахъ изувѣра и холопа, ненавистнаго всѣмъ временщика Аракчеева. И засвистѣли палки и шпицрутены надъ народомъ освободителемъ.

Отечественная война не прошла безслѣдно для лучшей части русскихъ людей, для гвардейскаго офицерства, побывавшаго въ свободной Европѣ и столкнувшагося лицомъ къ лицу съ своимъ народомъ, порабощеннымъ и униженнымъ.

Въ годы кровопролитной войны русскіе люди, по словамъ историка Ключевскаго, сдѣлали два важныхъ открытія: они съ прискорбіемъ узнали, что Россія единственная страна, въ которой образованный, руководящій классъ пренебрегаетъ роднымъ языкомъ и всѣмъ, что касается родины; потомъ еще съ большей скорбью онъ убѣдился, что въ русскомъ народѣ таятся могучія силы, лишенныя простора и дѣятельности, скрыты умственныя и нравственныя сокровища, нуждающіяся въ разработкѣ, безъ чего все это вянетъ, портится и можетъ скоро пропасть, не принося никакого плода въ нравственномъ мірѣ.—Съ этой минуты они круто повернули къ русской дѣйствительности, къ которой отцы старались поставить ихъ спиной».

Повернувшись лицомъ къ русской дѣйствительности, они увидѣли то «барство дикое», которое «присвоило себѣ насильственной лозой и трудъ, и собственность, и время земледѣльца».

Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Рылѣевъ вослѣдъ Радищеву возславили свободу, а гвардейское офицерство стало готовиться къ борьбѣ за свободу народа, за ограниченіе самовластія.

Пѣвецъ этихъ людей, Пушкинъ вѣритъ, что «Россія воспрянетъ ото сна и свергнетъ иго самовластья».

14 декабря 1825 г. при отказѣ отъ правъ на престолъ Константина и при воцареніи Николая I вспыхнуло возстаніе и было подавлено и залито кровью.

Пять человѣкъ, пять мучениковъ за дѣло свободы, Рылѣ-

евъ, С. Муравьевъ, М. Бестужевъ, Пестель и Каховскій были повѣшены, 116 человѣкъ были сосланы въ Сибирь на каторгу и на поселенье. Воцарился палачъ и деспотъ, и 25 лѣтъ раздавалась надъ несчастной страной его команда «Палокъ!».

Въ очеркѣ Л. Н. Толстого объ этомъ времени *) приводится любопытный разсказъ старика, николаевскаго солдата объ этомъ вѣнценосцѣ:

«Вѣдь я когда служилъ? При Николаѣ! Такъ развѣ такая служба была, какъ нынче? Тогда что было? У! Вспоминать, такъ ужасъ беретъ. Я еще Александра засталъ. Того Александра хвалили солдаты, говорили—милостивый былъ.

Я вспомнилъ послѣднія времена царствованія Александра, когда изъ 100 человѣкъ забивали 20 на смерть. Хорошъ же былъ Николай, когда въ сравненіи съ нимъ Александръ назывался милостивымъ.

— А мнѣ довелось при Николаѣ служить,—сказалъ старикъ и тотчасъ же оживился и началъ разсказывать:

— Тогда что было? Тогда на 50 розогъ и портовъ не снимали. 150, 200, 300,—на смерть запарывали.

Говорилъ онъ и съ отвращеніемъ, и съ ужасомъ, и не безъ гордости о прежнемъ молодечествѣ.

— А ужъ палками—недѣли не проходило, чтобы не забили на смерть человѣка или двухъ изъ полка. Нынче ужъ и не знаютъ, что такое палка, а тогда это словечко со рта не сходило. «Палки, палки!»

У насъ и солдаты Николая «Палкинымъ» прозвали. Николай Павловичъ—а они говорятъ: Николай Палкинъ. Такъ и пошло ему прозвище. Такъ вотъ, какъ вспомнишь про то время,—продолжалъ старикъ, да вѣкъ то отжилъ, помирать надо, какъ вспомнишь, такъ и жутко станетъ».

Но и этотъ жестокій деспотъ, царствованіе котораго называли «Свинцовой эпохой», былъ особенно милостивъ къ помѣщикамъ дворянамъ. Правда, когда усилилось крестьянское движеніе, Николай Палкинъ испугался возможной революціи въ Россіи и въ 1847 году призвалъ къ себѣ двухъ депутатовъ отъ смоленскихъ дворянъ и сказалъ имъ: «Теперь я буду го-

*) Николай Палкинъ.

ворить съ вами не какъ государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земли принадлежатъ *намъ дворянамъ* по праву, потому что мы ихъ пріобрѣли нашею кровью, пролитою за Государство, но я *не понимаю,* какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью и не могу объяснить это иначе, какъ хитростью и обманомъ, съ одной стороны, и невѣжествомъ—съ другой. Этому должно положить конецъ; лучше *намъ* отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. То-есть лучше освободить крестьянъ отъ барщины, чѣмъ ждать, когда они сами освободятся.

«Крѣпостное право причиною тому, что у насъ нѣтъ ни торговли, ни промышленности».

Свой секретный разговоръ Николай просилъ скрыть отъ министровъ и по секрету обсудить съ дворянами.

Пошли шушуканья, доносы министру, слухи, а въ это время началась въ Европѣ революція 1848 года, и Николай, явившись въ Собраніе дворянъ Петербургской губерніи, заявилъ: «господа дворяне, не вѣрьте *нелѣпымъ слухамъ,* которые съ восторгомъ принимаются крестьянами. Я не боюсь внѣшнихъ враговъ, но у меня есть внутреннiе болѣе опасные враги, противъ нихъ то мы и должны вооружиться и стараться *охранить себя,* и въ этомъ я полагаюсь на васъ. Благодарю дворянъ Петербургской губерніи за адресъ, который они мнѣ хотѣли поднести: въ чувствахъ привязанности ихъ ко мнѣ и къ отечеству я не сомнѣваюсь и за удовольствіе поставлю принадлежать къ ихъ сословію, потому что я и жена моя—царица тоже помѣщики петербургскіе».

Екатерина называла себя *помѣщицей казанской,* Николай Палкинъ въ страхѣ передъ внутренней смутой *петербургскимъ помѣщикомъ.* Онъ искалъ поддержки у доблестнаго сословія въ борьбѣ противъ внутренняго врага и за эту поддержку соглашался на то, чтобы человѣкъ оставался вещью.

И когда уже по смерти В. Бѣлинскаго, соціалиста, великаго писателя и друга народа, писатели стали читать его знаменитое письмо къ Гоголю, письмо, въ которомъ Бѣлинскій заклеймилъ царство розги и муштры, они были арестованы вмѣстѣ съ Петрашевскимъ. Читавшій письмо, величайшій писатель не только въ Россіи, но и въ Европѣ, Ѳ. М. Достоевскій

былъ приговоренъ къ повѣшанію вмѣстѣ съ другими и простоялъ съ петлей на шеѣ страшныя пять минутъ.

Его едва не повѣсили за то, что онъ читалъ письмо человѣка, возмущеннаго отвратительнымъ рабствомъ. Достоевскаго сослали въ Сибирь и держали въ «Мертвомъ домѣ».

Но вотъ началась Севастопольская война и 27 августа 1855 года былъ покинутъ Севастополь. Палъ Севастополь, пали стѣны Николаевскаго острога, палъ Николай Палкинъ.

Александръ II—Освободитель послѣ заключенія мира, послѣ новыхъ волненій крестьянъ, только что проливавшихъ кровь за Россію, понялъ, что лучше «освобожденіе крестьянъ сверху, пока крѣпостное право не стали отмѣнять «снизу». Но и «освободитель» оказался сословнымъ царемъ и освободилъ 22 милліона рабовъ *въ интересахъ первенствующаго сословія*.

Еще въ 1857 г. Герценъ готовъ былъ повѣрить въ свободолюбіе Александра II, и написалъ свою знаменитую восторженную статью во славу царя: «Ты побѣдилъ Галилеянинъ!», но уже въ 1860 г. Герценъ убѣдился, что отъ правительства ждать больше нечего, что крестьянъ собираются освободить отъ земли.

Рѣшено было освободить крестьянъ прежде всего изъ боязни революціи снизу, освободить сверху во имя государственной безопасности, во имя требованій промышленности и народнаго благосостоянія, во имя свободы труда, наконецъ, во имя интересовъ самихъ помѣщиковъ.

Даровой трудъ крѣпостныхъ, при поднявшихся цѣнахъ на продукты земли уже сталъ невыгоднымъ. Чѣмъ доходнѣй становился клочекъ земли, на которомъ крѣпостной работалъ на себя, тѣмъ настойчивѣй стремился помѣщикъ освободить крѣпостного отъ этого клочка, и несвободный трудъ, оплачиваемый землею, замѣнить вольнымъ трудомъ, оплачиваемымъ деньгами. Началась борьба между чиновниками комиссій и помѣщиками комитетовъ, между двумя группами дворянства: феодальнымъ и буржуазнымъ. Первая группа заботилась о сохраненіи за помѣщиками земли въ наибольшемъ размѣрѣ и во что бы то ни стало; это были «черноземныя силы», вторая—помѣщики промышленныхъ районовъ, выдвигала на главное мѣсто обезпеченіе помѣщиковъ капиталами и рабочими руками, хотя

бы цѣною незначительныхъ уступокъ въ пользу крестьянства въ земельномъ вопросѣ *). При освобожденіи у крестьянъ былъ въ черноземной полосѣ до крайности урѣзанъ надѣлъ, а въ промышленной полосѣ цѣна на землю была назначена выше стоимости: стоилъ надѣлъ 155 р., а платили по выкупу 342 р.; здѣсь платили выкупъ за личность освобождаемаго раба, а тамъ, отрѣзывая землю, заранѣе обезпечивали за собою дешовую рабочую силу. «Въ результатѣ—говорилъ П. Н. Милюковъ *) — крестьяне получили земли меньше, чѣмъ было нужно, и принуждены были заплатить за нее больше, чѣмъ она стоила, когда они читали въ Положеніи о сохраненіи «обязанныхъ отношеній» и о томъ, что имъ придется первое время «*отбивать барщину*»: они рѣшили, что надо «*отбивать*» барщину. Во многихъ мѣстахъ происходятъ волненія, подавленныя розгами, штыками, пулями».

Въ той же «Русской исторіи» М. Н. Покровскаго вы прочтете **), что никогда такъ много не сѣкли, по словамъ современниковъ, какъ въ первые три мѣсяца послѣ объявленія воли, и у крестьянъ даже сложилось убѣжденіе, что въ самомъ «Положеніи» есть статья, предписывающая пороть всякаго мужика, осмѣливающагося это «Положеніе» прочесть.

За 2 года составленія «Уставныхъ Грамотъ» военную силу примѣнили въ 2.115 селеніяхъ, изъ 97.539 Уставныхъ Грамотъ 45.825 было не подписано крестьянами. Зато помѣщики рядомъ получили отъ казны за счетъ крестьянъ огромныя суммы за клочки земли съ песочкомъ и глинцою, оставленные крестьянамъ. Эти суммы они издержали не на развитіе хозяйства, а проѣли на теплыхъ водахъ.

Между прочимъ, Романовы-Гольштинскіе за своихъ крѣпостныхъ получили 46 милліоновъ рублей. Друзья народа съ Н. Г. Чернышевскимъ во главѣ съ негодованіемъ заклеймили эту «освободительную» реформу, за это сынъ священника Чернышевскій, образованнѣйшій человѣкъ и защитникъ кресть-

*) Смотр. т. V. Рус. Истор., подъ ред. Покровскаго.
*) Т. I. ст. 32.
**) Т. V. ст. 80.

янъ былъ брошенъ царемъ-дворяниномъ въ тюрьму (Петропавловку), гдѣ и пробылъ 20 лѣтъ до 1883 г.

Освободитель оказался такимъ же сословнымъ царемъ,—и онъ душилъ свободное развитіе народа, и онъ охранялъ интересы дворянъ. Мирныхъ проповѣдниковъ соціализма, шедшихъ въ народъ, съ великой вѣрой въ торжество правды—справедливости, онъ ссылалъ на каторгу, лучшихъ изъ нихъ казнилъ.

Перваго марта 1881 г. онъ былъ убитъ народовольцами, сложившими головы на плахѣ за волю народа. Среди нихъ были Желябовъ, Софья Перовская, Кибальчичъ и другіе.

На престолъ вступилъ Александръ III.

Остатки крѣпостного права.

Въ 1877 г. во время процесса 50 революціонеровъ рабочій Петръ Алексѣевъ произнесъ рѣчь, въ которой каждый свой доводъ сводилъ къ вопросу—«развѣ мы не крѣпостные?» «Эта крестьянская реформа — говорилъ онъ, окруженный тѣснымъ кольцомъ жандармовъ, своимъ судьямъ—реформа *дарованная*, хотя и *необходимая, но не вызванная самимъ народомъ*, не обезпечила самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянъ. Мы по-прежнему остаемся безъ хлѣба съ клочкомъ никуда негодной земли и перешли въ зависимость къ капитализму». О томъ же дарованіи крестьянамъ свободы безъ земли поетъ крестьянская Марсельеза:

«Отпустили крестьянъ на свободу
Девятнадцатаго февраля,
Только земли не дали народу—
Вотъ вамъ милость дворянъ и царя.
Безъ земли мужички пропадаютъ,
А дворяне и рады тому,
Что дешевле они нанимаютъ
Батраковъ на работу свою.
Чтобы съ голоду намъ не подохнуть,

Мы къ дворянамъ работать идемъ
И живетъ—эта жадная свора—
Всѣ живутъ они нашимъ трудомъ...
Коровенку за подать продали,
Лошаденку за долгъ баринъ взялъ,
Прижимаетъ насъ земскій начальникъ,
А урядникъ вздохнуть не даетъ и т. д.

Въ этомъ неуклюжемъ, незвучномъ гимнѣ разсказана тяжелая повѣсть закабаленной крестьянской бѣдноты.

Разрушивши крѣпостное право, вѣнцомъ котораго являлось самодержавіе, сословный царь не только не уничтожилъ сословнаго строя, но по-прежнему сохранилъ власть надъ личностью крестьянина, которая присвоена была раньше помѣщикомъ, и передалъ ее отчасти міру, отчасти чиновникамъ. Объ этомъ позаботился Александръ III и его сынъ — послѣдышъ Николай II. На деревню тучей надвинулись урядники, земскіе начальники, а позднѣе стражники.

Крестьянъ связали круговой порукой для обезпечиванія исправнаго взноса непосильныхъ податей и платежей. За неплатежъ отдѣльнаго домохозяина отвѣчалъ «міръ», который вмѣшивался въ семейную жизнь крестьянъ, чтобъ запретить или разрѣшить раздѣлъ. Волости принадлежало право давать отпуска крестьянамъ. Уже освобожденные, они оставались крѣпкими землѣ, волости, міру, благодаря стѣсненіямъ съ выдачей паспорта. Пережитки крѣпостного права не отмирали, а все глубже и больнѣе въѣдались въ истерзанное тѣло деревни. По закону 18 марта 1886 г. семейный раздѣлъ былъ подчиненъ власти не только міра, но и чиновниковъ. Былъ введенъ 12 іюля законъ о земскихъ начальникахъ, прибавившій «твердую власть» къ деревнѣ. Эта твердая власть малограмотнаго недоучившагося помѣщика придавила сходъ и въ новомъ видѣ возродила власть барина-крѣпостника съ его насильственной лозой. Податное сословіе, неизбавленное отъ тѣлесныхъ наказаній, стѣсненное круговой порукой, паспортной системой, стиснутое со всѣхъ сторонъ помѣщичьей землей, задыхалось въ нуждѣ. платило помѣщику ростовщическую арен-

ду, платило многочисленные штрафы за потраву, за порубку и разорялось и нищало съ каждымъ годомъ. Все больше становилось безлошадныхъ, продававшихъ свою силу—батраковъ. И здѣсь сословный царь вмѣшался. 12 іюня 1886 г. вышли «Положенія о наймѣ на сельскія работы», которыя на сельскихъ батраковъ налагали *уголовное* наказанье за нарушеніе договора съ помѣщикомъ, а на помѣщика, нарушившаго договоръ, налагали лишь *гражданскую* отвѣтственность: незначительный штрафъ. Но этого мало: царскій временщикъ Побѣдоносцевъ упорно держалъ народъ въ темнотѣ, боясь просвѣщенія народа. По-прежнему всѣ права и преимущества — помѣщикамъ, бичи и скорпіоны—рабочему люду.

Послѣ 1861 года, когда «порвалась цѣпь великая», баринъ проѣлъ выкупные платежи и оказался неспособнымъ перейти отъ хозяйства — помѣстья, къ хозяйству предпріятію; значительные слои дворянства начинаютъ усиленно проѣдать свои помѣстья, закладывать и продавать. Съ 1859 по 77 гг. они продавали ежегодно по 517.000 десят., въ 77—96 г. по 750.000 д., въ 97—1900 гг. 978.000 д.

Но, теряя свое хозяйственное значеніе, часть помѣщиковъ-крѣпостниковъ продолжала паразитствовать, требуя льготъ, прощенья процентовъ по долгамъ, занимала отвѣтственныя мѣста въ правительственныхъ учрежденіяхъ и душила вмѣстѣ съ сословнымъ царемъ общественную жизнь. Отжившіе дикіе зубры хотѣли всю страну превратить въ Бѣловѣжскую пущу. Особенно, къ этому стремились черноземные крѣпостники Симбирскіе, Орловскіе, Пензенскіе, Тамбовскіе.

Знаменитой Курской губ., родиной Марковыхъ... Тернигрева-Атова,—Алексѣй Толстой описалъ жизнь этихъ медвѣдей. Это они позднѣе поддерживали черносотенное движеніе вмѣстѣ со Струковыми, Марковыми, Доррерами, Говорухо-Отроками, Павловыми и т. д. Но были и либералы помѣщики, земцы — дворяне нечерноземныхъ губерній съ Тверскимъ Земствомъ во главѣ.

Земское движеніе дворянъ-либераловъ увеличивается послѣ страшнаго голода 1891 года, когда погибло отъ голоду крестьянъ больше, чѣмъ было убито въ Крымскую войну, и послѣ хо-

лерныхъ бунтовъ 1892 года, когда темный, измученный, голодный народъ сталъ избивать докторовъ, повѣривъ дикой сказкѣ, что господа народъ морятъ.

91 и 92 года показали, до какого раззоренія и до какой темноты и до какого отчаянія довелъ Александръ III закабаленный народъ. Правда, этотъ царь въ 1887 году отмѣнилъ подушную подать, но онъ наверсталъ съ лихвой на косвенномъ обложеніи, всевозможныхъ акцизовъ. Голодный годъ, темный пожаръ слѣпыхъ стихійныхъ бунтовъ не противъ правительства, а противъ интеллигенціи, невыгодный договоръ 1892 года съ Германіей все это усилило движеніе земскаго дворянства.

Земцы все больше и больше начинаютъ говорить о народѣ, пугаютъ правительство народомъ, заботятся о просвѣщеніи и поговариваютъ объ ограниченіи самодержавія. И когда Николай II вступилъ на престолъ, сословный царь, царь зубровъ-крѣпостниковъ грубо прикрикнулъ на помѣщиковъ — либеральныхъ земцевъ: «Оставьте безсмысленныя мечтанья!» Царь чувствовалъ опору со стороны крѣпостниковъ, а за либералами не видѣлъ никакой серьезной силы.

Но «безсмысленными мечтаньями» были какъ разъ мечты царя-послѣдыша удержать навсегда ненавистное ихъ самовластья на зло и наперекоръ стихіямъ.

Уже въ 1875 году рабочій Петръ Алексѣевъ закончилъ свою рѣчь грознымъ пророчествомъ: «Поднимется мускулистая *рука рабочаго* и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ». Это пророчество было повторено вождемъ россійской соціалъ демократіи Г. В. Плехановымъ въ 1889 г. на съѣздѣ соціалъ демократовъ въ Парижѣ, гдѣ онъ предсказалъ, что русская революція побѣдитъ, какъ революція *рабочаго класса*, или не побѣдитъ.

Народники много говорили въ 60-хъ г.г. о *самобытности* Россіи, о томъ что Россію «аршиномъ общимъ не измѣрить». Они всячески уговаривали правительство удержать Россію отъ язвы капитализма...

Но капитализмъ и въ Россіи развивался, а вмѣстѣ съ капитализмомъ росло и рабочее движеніе. Если въ 1860 году было въ Россіи свыше 15000 заводовъ и фабрикъ и свыше

500000 рабочихъ, то въ 1887 г. число предпріятій равнялось уже 30.888, сумма производства равнялась одному *милліарду* тремъ стамъ тридцати четыремъ тысячамъ рублей, а число рабочихъ=1. 300.000, а черезъ десять лѣтъ число предпріятій уже=39.029, сумма производства=2.839.000.000, а число рабочихъ=2.098.200.

Въ отсталой политически, полукрѣпостной Россіи съ крѣпостническимъ самовластіемъ, которое душило всѣ побѣги жизни, сильнѣе чѣмъ самые удушливые газы, капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства, а въ тоже время сохранились прогнившіе наквозь остатки докапиталистическаго, крѣпостническаго порядка, который основывался на закрѣпощеніи трудящихся массъ помѣщикамъ, государству и главѣ государства. Препятствуя на каждомъ шагу хозяйственному росту страны, развитію ея производительныхъ силъ, эти пережитки прошлаго не допускали развитія классовой борьбы рабочихъ въ городѣ, сохраняли варварское закабаленіе многомилліоннаго крестьянства въ городѣ, эти же пережитки узаконяли темноту и безправіе народа. Самымъ ужаснымъ изъ этихъ пережитковъ и самымъ могучимъ оплотомъ крѣпостничества являлось самодержавіе, опиравшееся на «объединенное дворянство», чиновниковъ и армію и противъ этого невыносимаго ига стала вести борьбу вся страна. Начинателемъ, организаторомъ, вдохновителемъ этой борьбы явился рабочій классъ, за нимъ поднялась демократическая интеллигенція, служащіе въ земствахъ, либеральные земцы, либеральные фабриканты, голодное измученное крестьянство.

Все царствованіе Николая II это борьба издыхающаго, мстительнаго, грязнаго, преступнаго и разбойнаго самовластья противъ растущаго движенія. Этотъ выродившійся послѣдышъ, презиравшій народъ и называвшій его «мусоромъ», носившій на груди значекъ союза русскаго народа, пытался править, опираясь на самые темные, отжившіе, преступные слои страны.

На растущія требованія народа отвѣчали нагло: «такъ было, такъ будетъ», отвѣчали тюрьмами, висѣлицами, погро-

мами, отвратительной провокаціей, подкупомъ. Жалѣли деньги на народное образованіе и щедро тратили на полицію, запрещали рабочія газеты и содержали на средства народа черносотенные грязные листки... Погромному «Новому Времени» за его гнусное человѣконенавистничество и клеветничество, и погромныя статьи Розоновыхъ, Меньшиковыхъ, Суворинныхъ правительство только за послѣдніе годы назначило 880.000 народныхъ денегъ.

Судъ тюрилъ беззаконіе, покрывалъ погромщиковъ и немилосердно расправлялся съ врагами самодержавнаго деспота.

Губернаторы и генералъ-губернаторы, опираясь на военное положеніе, неистовствовали во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ... Можно смѣло сказать, «бывали хуже времена, но не было подлѣе!». Съ первыхъ дней царствованія самодержавная подлость столкнулась съ революціонной борьбой и рѣшила утопить въ крови народное возмущеніе.

Этотъ трусливый, вѣчно пьяный, суевѣрный, довѣряющій въ своей трусости всякому ловкому прохвостишцу царь, рабъ своей супруги, презиравшей Россію, заслужилъ прозвище Николая Кроваваго.

Въ 1896 г. произошла въ Москвѣ во время коронаціи, вслѣдствіе полнаго пренебреженья къ народу, знаменитая ходынка. Въ ямы на ходынскомъ полѣ, гдѣ была милліонная толпа народа, пришедшая на праздникъ самодержавія, пали тысячи жертвъ... И въ этотъ же день вечеромъ коронованный деспотъ плясалъ на балу и не догадался отмѣнить эту наглую, безстыдную пляску въ день великаго траура народа. Онъ веселился съ раззолоченной знатью, вмѣстѣ съ виновникомъ кроваваго ужаса—своимъ дядюшкой, тѣмъ Сергѣемъ—княземъ Ходынскимъ, который распоряжался разстрѣломъ 9-го января 1905 года передъ Зимнимъ дворцомъ...

Въ дни коронаціонныхъ баловъ и похоронъ жертвъ Ходынской катастрофы въ Петербургѣ въ 1896 году въ майскіе дни забастовали 36000 ткачей и выставили рядъ требованій, въ

томъ числѣ требованіе уплаты за коронаціонные дни, когда работъ на фабрикахъ не было.

Царь испугался—было задержано его возвращеніе въ Петербургъ. Движеніе рабочихъ, какъ признало правительственное сообщеніе, шло подъ руководствомъ соціаль-демократовъ, которые выпустили за время стачки 25 листковъ разнаго содержанія.

Эта стачка кончилась побѣдой рабочихъ. Правительство 2-го іюня 1897 года поспѣшило издать законъ о сокращеніи рабочаго дня...

Въ 1901 году рабочіе Обуховскаго завода въ Петроградѣ пять часовъ обороняются и отбиваютъ камнями штыки казаковъ. Въ 1902—происходятъ митинги рабочихъ въ 50000 въ Ростовѣ, и въ томъ-же году происходятъ волненія крестьянъ на югѣ. Оболенскій—харьковскій губернаторъ—засѣкаетъ сотни крестьянъ, и царь спѣшитъ его благодарить.

Въ слѣдующемъ году бастуютъ на югѣ Россіи свыше 250.000 рабочихъ. Въ Кіевѣ, Одессѣ, Баку рабочія революціонныя толпы выходятъ съ красными знаменами на улицы. Уже близка революція!

Японская война, вызванная хищниками Алексѣевымъ, Безобразовымъ и Романовыми-Гольштинскими, захотѣвшими поживиться лѣсами сосѣдняго народа и заглушить революціонное движеніе патріотическими барабанами, ускорила революцію.

Портъ Артуръ, Цусима, Мукденъ обнажили всю гнилость самодержавія, разворовавшаго народныя деньги и растратившаго милліоны жизней. Началась, по выраженію царя, «неслыханная смута», приведшая къ 9-му января и октябрьскимъ днямъ.

Сословный царь испугался и въ дни великой всероссійской забастовки, когда стали заводы, желѣзныя дороги, остановилась вся жизнь въ странѣ, въ великіе октябрьскіе дни 1905 года обнародовалъ свой знаменитый Манифестъ, обѣщавшій свободы и народное представительство. Это была первая большая побѣда надъ царизмомъ.

Во главѣ революціонныхъ силъ шелъ рабочій классъ, 13 октября 1905 года создавшій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ Петроградѣ... «Начальство ушло», власть была въ рукахъ Совѣта рабочихъ депутатовъ. Витте поторопился раздѣлить и дѣйствовать. Выпускъ манифеста 17-го октября успокоилъ либераловъ, декабрьское движеніе крестьянъ, пожары, захваты напугали помѣщиковъ-земцевъ. Либералы бросились въ объятія реакціи, пришли войска изъ Сибири. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ былъ арестованъ. Въ Москвѣ большевики вызвали вооруженное возстаніе. Это возстаніе, не поддержанное арміей и всѣмъ народомъ, было раздавлено, начались расправы, погромы, разстрѣлы, начали полачествовать Риманы и Мины, Столыпины и Дубасовы.

Уже въ первыя недѣли послѣ 17 октября царь-погромщикъ устроилъ 660 еврейскихъ погромовъ, мстя евреямъ за революцію и желая въ крови евреевъ утопить энтузіазмъ русскаго народа. За нервые три года послѣ манифеста было поставлено 7000 висѣлицъ. Дума была распущена по требованію объединеннаго дворянства со Струковымъ во главѣ, а 3 іюня 1907 г. былъ созданъ новый избирательный законъ, по которому половина (49,5) избирателей въ губернскихъ съѣздахъ были крупные землевладѣльцы. Думу хотѣли сдѣлать господской, помѣщичьей. И какъ прежде изъ земствъ изгоняли крестьянъ, такъ изъ думы изгоняли народъ...

Но правительству все было мало. Оно рѣшило опереться не только на черную сотню — воровъ и громилъ, Марковыхъ и Дубровиныхъ, зубровъ и хищниковъ, оно хотѣло расколоть крестьянъ и по требованію объединеннаго дворянства, къ которому принадлежали крупные землевладѣльцы-крѣпостники, провели знаменитый законъ 9-го ноября, направленный къ созданію «сильныхъ» крестьянъ-кулаковъ и развитію розни среди крестьянъ...

Тьма сгущалась. Каждый день правительство творило вопіющія преступленія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ теперь огромный матеріалъ «Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи». Управлять страной стало—значитъ совершать вопіющія преступленія.

Правительство стало организованной шайкой предателей, громил и хищниковъ. Самовластіе опиралось на кучку крѣпостниковъ и шло противъ всей страны.

Снова рабочіе Петрограда стали волноваться, уже появились въ 1914 году баррикады на Выборгской сторонѣ.

Въ іюлѣ 1914 года началась война и эта война вновь воскресила и Севастополь, и Портъ Артуръ, и Цусиму, и эта война оказалась Цусимой для царскаго самодержавія.

Наглый временщикъ Распутинъ—кукла въ рукахъ знати и банковъ—сталъ самодержцемъ Россіи.

Напуганный революціей царь и полубезумная царица закружились вмѣстѣ со своимъ новымъ Христомъ въ хлыстовской пляскѣ...

Когда то Малюта Скуратовъ превратилъ всю Россію въ застѣнокъ, Биронъ—въ конюшню, Аракчеевъ—въ казарму, Побѣдоносцевъ—въ охранку, теперь Распутинъ превратилъ домъ Романовыхъ въ грязный вертепъ...

Тамъ, на поляхъ сраженія Сухомлиновы, Мясоѣдовы и Штюрмеры отдавали милліоны безоружныхъ солдатъ въ жертву Вильгельму II, купившему предателей за тридцать серебренниковъ, а здѣсь въ Россіи, пьяный, развратный конокрадъ Распутинъ именемъ царя самодержца правилъ Россіей и надругался надъ страной вмѣстѣ съ министрами, архіереями, придворными распутницами. «Сатана тамъ правилъ балъ!».

Эту наглую хлыстовскую пляску прекратилъ всставшій рабочій классъ, вмѣстѣ съ арміей, вмѣстѣ съ Государственной Думой, вмѣстѣ съ буржуазной демократіей, вмѣстѣ съ революціоннымъ крестьянствомъ. 2 марта самодержецъ царь вернулъ верховную власть самодержавному народу.

Этотъ самодержецъ долженъ позаботиться, чтобы воскресшая страна увидѣла расцвѣты творческихъ силъ, торжество свѣта надъ тьмой.

Съ побѣдой самодержавнаго царизма рушились остатки крѣпостничества, но еще много придется бороться въ будущемъ.

Но теперь путы и цѣпи сброшены, теперь рушились глу-

хія стѣны тюрьмы, теперь прошло проклятое время деспотовъ царей, которые вычеркивали изъ нашего языка слова: гражданинъ, общество, отечество.

Гибель царизма это—воскресеніе страны. Человѣческую пыль смѣняетъ обновленный, воскресшій, свободный народъ, обывателей смѣняютъ граждане, и они, граждане, знаютъ, что имъ надо организоваться, сплачиваться въ соціалистическія партіи и строить новый міръ. Въ этомъ новомъ мірѣ нѣтъ мѣста кровавымъ деспотамъ.

Да будетъ проклято имя ненавистныхъ тирановъ и да будетъ благословенна память всѣхъ, кто въ борьбѣ противъ самодержцевъ душу свою положилъ за народъ!

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

Соціалъ-демократическое издательство

„ДѢЛО“.

МОСКВА
Трубная ул., д. 33, кв. 5.
Тел. 3-92-85.

ПЕТРОГРАДЪ
Сергіевская ул., д. 57, кв. 5.
Тел. 68-46.